

07. Братец и тётушка: вид с ветлы.

Проходит приблизительно полчаса, прежде чем я замечаю, что кто-то поднимается по склону, а ещё через несколько секунд вижу, сто это мой брат.

— Это ты Жорж? — искренне удивляюсь я.

— Как видишь, — отвечает он. — А это ты наслал на нас эту саранчу?

— Какую?

— Ту, которая, хрустя под ногами сухими ветками, покашливая и издавая прочие звуки, так и не позволила нам с тётушкой приступить к исповеди.

— Я же предупреждал... А где же эта саранча сейчас?

— Оставлена там, пока тётушка не сделает компресс своей старшей дочери... Пошли домой!

— А как же Татьяна Николаевна, Вера с Олей и Петя? Наверно, следует подождать их?

— Петя — вон он, поднимается тоже. А дамы дойдут сами. К тому же, мне кажется, им всем сейчас так удобнее, чтобы не было рядом мужских ушей... Ты кому-то из них сильно насолил?

— Кто кому насолил, трудно разобраться...

— А местечко ты нам подсказал действительно укромное и удобное. Трава скошена, и мы быстро устроили для себя ложе из сена... Но нам помешали... После ужина, надеюсь, ты уже никого из этой оравы сюда не приведёшь?

— А мне проскользнуть туда можно будет?

— Чтобы нас не пугать, подбираясь к нам, займи наблюдательный пункт там заранее, до нашего прихода...

Я точно следую полученной инструкции и как только заканчивается ужин, впопыхах, отвечая на какие-то вопросы, которыми меня преследовали матушка, тётушка и хозяйка, убегаю к себе на веранду, оттуда бегу в туалет, представляющий из себя будку с двумя кабинками метрах в сорока от нашей террасы, после чего мою руки водой из умывальника и бегу в сторону деревни, затем сворачиваю направо, потом ещё раз направо, выхожу на знакомую мне дорожку и сворачиваю вниз по тоже уже знакомой мне тропе. Обойдя несколько раз заветную полянку и не найдя места, где можно было бы надёжно спрятаться и в то же время за всем отсюда наблюдать, я останавливаюсь в задумчивости и обращаю внимание на высокую и ветлу, не без труда забираюсь на неё, и устраиваюсь довольно удобно на ней, так что седалище моё располагается на одной толстой ветке, спина упирается в другую, ноги — в третью, а самого меня скрывает четвёртая, за которую можно держаться руками.

Минут через десять слышу голоса сверху, а потом и вижу спускающуюся парочку.

— Осторожней, — говорит мой братец, подавая руку тётушке. — Здесь ступенька.

— Да уж знаю... Одна ведь, без тебя сюда давеча спускалась...

— Присаживайся, пожалуйста, — приглашает он её и располагается рядом.

— Как тут хорошо! — восклицает Татьяна Николаевна, оглядываясь кругом. — И, как ты, по-моему, догадался, или, я тебе, быть может, уже говорила, открыл это укромное гнёздышко, твой братец. Надо же, только день здесь пробыл, а какую скандальную славу успел приобрести!

— Ты имеешь в виду, как он при всех лез целоваться к тебе?

— Ну, во-первых, лез ты... А он лишь пробовал следовать твоему примеру... Да погоди же,

успеешь...

— Но учти, что надо успеть не только нацеловаться, но и гнёздышко твоё навестить!..

— Никуда оно от тебя не денется...

— Если нам снова не помешают детки...

— Надо же, почему они тут оказались? Неужто Сашок твой приводил их сюда после обеда?

Но тогда чего он тут с ними делал? Ну и шустёр! При всех облапил бедную Марию Александровну!... Она от стыда не знала, куда деться... За ним глаз да глаз нужен.

— Вот я и прошу тебя, — говорит Георгий, обнимая тётушку за плечи и целуя, — приглядывай за ним... Может пригодится для чего-нибудь... Ведь не далёк тот день, когда мне предстоит жениться, а потом вернуться на военную службу...

— Тебя разве в Москве не оставят?

— Кто знает...

— Да, жаль терять такого обаятельного, милого, безотказного кавалера... Мне будет очень не хватать тебя, дружок!

И с этими словами она уже сама обнимает и целует его. Он опрокидывается назад, так что его плечи и голова оказываются на траве, и тянет её за собой. Мне видны только её шляпка, съехавшая на затылок, и его руки, обхватывающие её сначала за крутые бока, а затем за огромный зад, — то впиваясь пальцами в его мякоть, то собирая ими в складки её юбки, причём так, что мне становятся видны её обтянутые ажурными чулками икры.

— Что ты делаешь? — весело спрашивает тётушка, сваливаясь с него на бок и оглядываясь на проделанную им работу.

— В исповедальню хочу пробраться, — разъяряет братец, расстёгивая брюки и доставая из них свой член. — Посмотри на него, истомившегося!...

— Фи! Зачем ты мне это показываешь? — восклицает она, резко отворачиваясь и, приподнимаясь, подтягивает к себе коленки и обхватывает их руками. — Сколько раз тебе об этом говорить?

— Но почему? — интересуется он, также приподнимаясь, обнимая её за плечи и прижимаясь щекой к щеке.

— Потому что не люблю!

— А мне, прежде чем постучаться и проникнуть в твой храм любви, хочется им полюбоваться! При этих словах Георгий тянет её вниз и, уложив на спину, спешит воспользоваться тем, что колени её подняты вверх, для того чтобы задрать подол юбки. Но обнаружив новое препятствие — мне с высоты были прекрасно видны её панталоны — чуть не кричит:

— Зачем же ты, жестокая, напялила на себя эту броню?

— Во-первых, это не броня, а средство гигиены, в чём нас, женщин, уже сто с лишним лет убеждают врачи...

— Вижу, вижу убедили!

— Во-вторых, ты представляешь, что могли бы подумать мои дочери, когда мне пришлось с Верой, чтобы сделать ей некое подобие компресса, заходить по колено в речку, подоткнув подол платья за пояс?"Почему она сама ходит без исподнего, а нас заставляет непременно напяливать на себя штаны?» — вот что, наверняка, подумали бы они.

— Но сейчас же её тут нет!... Давай, я помогу тебе от них изба-виться...

— Нет, нет! Мало ли что... Вдруг кто-нибудь опять тут объявится...

— Но мне же ничего не видно!

— Обойдётся!... Нечего там смотреть... Да к тому же — это я хотела заметить тебе в-третьих, чем они тебе мешают?

Тётушка раздвигает колени и, возложив обе ладони на промежность панталон, пальцами слегка раздвигает разрез на нём, хорошо теперь мною видимый. Очевидно, на это последнее её движение обращает внимание и Георгий. Он протягивает туда свою руку, а она обхватывает его за шею и притягивает к себе. Они снова целуются, а спустя какое-то время он помещает свои колени между её бёдрами, приспускает брюки, опять склоняется над нею, просовывает под себя левую руку (он, как и я, левша), приподнимает оголённый зад и начинает поступательно-возвратные движения, которые я уже имел удовольствие наблюдать сегодня утром. Сперва они были очень резкими, но далее становятся сравнительно размеренными и длятся довольно долго. Настолько долго, что мне стало казаться, и конца-то им не будет. А что же тётушка? Она лежит, распластавшись под ним, раскинув руки в стороны и устремив свой взгляд куда-то вверх. Мне даже пару раз пришла в голову мысль, а не на меня ли она взирает? Я успокаиваю себя тем, что укрылся весьма тщательно и обнаружить меня можно только зная, что я где-то тут, на дереве, сижу...

Но вот Георгий зачем-то просовывает свои ладони под её задницу, а мах собственного зада усиливает... Ещё несколько секунд, и он, прохрипев что-то ей в ухо, замирает, тогда как тётушка сжимает его в своих объятиях. Так они лежат несколько минут, после чего она выпрямляет ноги в коленках и движением рук показывает ему, что он может оставить её, что он и делает, опрокидываясь на спину.

— Ну и прелесть же ты! — говорит он, также как и она, смотря куда-то вверх. — Такой сладкой оказалась, что я не смог остановиться и не дал тебе кончить...

— Не будем об этом, милый! Мне было так хорошо!... И всё же, нам пора собираться... Поднимайся!..

Он поднимается и натягивает на себя брюки... Как приводит себя в порядок она, мне из-за его фигуры не видно.

— Однако, к сожалению, до экстаза я тебя не довёл, в чём и каюсь, — признаёт он, протягивая ей руку и помогая встать на ноги. — Обещаю исправиться после полуночи...

— Ты что? Имей совесть!... Я и пошла на всю эту кутерьму, чтобы только ублажить тебя и таким образом избавить себя от необходимости встречаться с тобой ночью... В прошедшую ночь ко мне прибежали то Вера с Надей, то Петя... Алексей уехал в Москву совсем не выспавшись. Да и я тоже только и мечтаю, как бы поскорее закрыть глаза... Но вовсе не уверена, что дети не возобновят свои хождения для выяснения своих вопросов...

— Вот я и заявлюсь, убедившись, что они спят, дабы нам с тобою прояснить ещё один вопрос...

Продолжения этой дискуссии мне слышно не было, так как парочка поднялась уже довольно далеко от того места, где я, сидя на ветле, имел возможность следить за их забавой.